

1917–2017

Г.Г. ВОДОЛАЗОВ

Юлий Мартов. Политика и мораль в революции

Драматические события февральско-октябрьского революционного процесса поставили массу вопросов перед социальной теорией. И среди них вопрос, с особой остротой вставший в эпоху революционных преобразований, — соотношение политики и морали. Совместимы ли они или исключают друг друга? И если "совместимы", то каково содержание данной совместимости? Проблема эта рассматривается через призму деятельности одного из выдающихся деятелей той поры, человека безупречных нравственных принципов — Юлия Осиповича Мартова, через его взаимоотношения с другими политическими лидерами — Лениным, Керенским, Церетели, Чхеидзе и др. Анализируется, какое влияние нравственная позиция этих лидеров оказывала на их политическое поведение.

Ключевые слова: политика, мораль, нравственность, революция, реформа, диктатура, демократия, большевики, меньшевики, эсеры, кадеты.

Пора! Пора воздать должное Юлию Осиповичу Мартову, выдающемуся общественному деятелю России, уникальному социальному мыслителю, непревзойденному публицисту. Как "не горят рукописи", так "не горят", так не сгорают в памяти людей имена и мысли тех, кто, пафосно говоря, самоотверженно служил и Человечеству, и Отечеству своему.

Хотя немало сил было приложено, чтобы спалить память об этом замечательном человеке. Сталинские философствующие ястребы просто рвали его на куски. А начало этому положил, между прочим, Л. Троцкий (и об этом я говорю с сожалением). Это он, яростный оратор Октября, раздраженный злобными нападками и демонстративным уходом меньшевиков и эсеров со съезда, закреплявшего победу Октябрьского восстания, воскликнул: "Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории..." (цит. по [Суханов 1991, с. 337]). Да, к основной (и откровенно враждебной) группе меньшевиков и эсеров Троцкий походя пристегнул и Мартова, который, отнюдь не собираясь покидать съезда, выступил лишь с предложением о поиске компромисса и возможного примирения всех социалистических партий

Водолазов Григорий Григорьевич — доктор философских наук, профессор кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (Университета), вице-президент Академии политической науки. Адрес: проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454. E-mail: gvodolazov@yandex.ru

на базе создания “однородного социалистического правительства”. Хотя Мартова Лев Давидович, несмотря на разногласия, в общем-то, любил, но, будучи большим любителем красного и острого словца, отправил его в мусорную корзину истории (хотя впоследствии не раз отзывался с большой теплотой, называя “Добролюбовым демократической публицистикой”).

А вот сталинские ястребы швыряли Мартова в “мусорную корзину истории” с садистским наслаждением и старались запихнуть его на самое ее дно. Заталкивали его туда ленинскими цитатами, бессовестно вырывая их из контекстов статей и времен. И замалчивали постоянно прорывавшееся у Ленина тепло-трогательное отношение к своему оппоненту. И, в особенности, это – можно сказать, итоговое, переданное нам М. Горьким: “Жаль, Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!.. Какая умница! Эх...”. Сравните с этим писания сталинского выдвиженца, заместителя директора Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) В. Сорина: “На самом деле, Мартов просто-напросто прихвостнул и прилгнул насчет своей действительной роли” в деятельности “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”. Или некоего И. Вардина (между прочим, референта ВЧК): в протестах Мартова против террора и смертной казни он видит “лицемерие и двурушничество”, литературные “упражнения по па от меньшевизма”. Или претендующего на роль сталинского интеллектуала (директора Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б) в 1931–1930 гг.) В. Адоратского: призыв Мартова к установлению демократии в России – это не что иное, как призыв к “восстановлению диктатуры буржуазии”, как желание свергнуть советскую власть и “заменить революционную диктатуру пролетариата буржуазным правительством” (цит. по [Урилов 1997, с. 46]). Эти лживые инсинуации – по сути, подготовка судебной расправы над оставшимися еще в живых “мартовцами”. Расправы, которая не заставила себя долго ждать.

1 марта 1931 г. открылся “Процесс контрреволюционной организации меньшевиков”, где главными фигурантами были “мартовцы” Н. Суханов (ближайший сподвижник Мартова в событиях 1917 г.), А. Соколовский и др. И выступал сталинский прокурор Н. Крыленко. Изгалялся, как мог, над затравленными на следствии, абсолютно беззащитными людьми: они “называли себя социалистами”, но на самом деле это – “социалисты-вредители, сверх того интервенты – социалисты-интервенты. Сверх того, они часть блока, единого политического блока с откровенными буржуазно-фашистскими организациями”, “они – “социалисты”-фашисты” [Процесс... 1931, с. 325, 326]. И дальше – по нарастающей: “Мы будем обвинять данную группу лиц, так называемое “Союзное бюро” РСДРП (заметим, в скобках, что никакого такого “Бюро” не существовало, его “создали”, его придумали извереры-следователи. – Г.В.) в тягчайших преступлениях: это, во-первых, в постановке своей целью реставрировать капиталистический строй в нашем Союзе, реставрировать со всеми мерзостями капиталистического строя”, “для ее осуществления заключили политический блок с откровенными буржуазными, контрреволюционно-фашистскими организациями”; “поставя эту цель, они приняли вредительство как основной метод своей работы, понимая под этим дезорганизацию и расстройство нашего хозяйства, срыв наших хозяйственных построений и планов и организовывали голод и страдания рабочих масс и страдания всех трудящихся масс нашего Союза”; “мы будем обвинять их в подготовке интервенции со всеми ее последствиями – с террором озверелой белогвардейщины, с реками крови, которые бы эта интервенция нам принесла”, “мы обвиняем их в измене мировой революции и предательстве мирового пролетариата” [Процесс... 1931, с. 327–328].

И прокурор-лжец, прокурор-палач Н. Крыленко под “бурные аплодисменты всего зала” требует от судей “проявить максимум жесткости по отношению к подсудимым”: одним – назначить “высшую меру социальной защиты” (так изящно именуется “растрел”), другим – “изоляцию” (то есть тюрьму или лагерь) “на максимально продолжительный срок”.

Особое внимание, конечно, Суханову. Он не только “вредитель” и “социал-фашист”, но еще, оказывается (чтобы совсем унижить и растоптать!), “Хлестаков в политике и авантюрист на практике”. И вывод: “Я считаю, что эта политическая хлестаковщина вместе с этой беспринципностью создают из него, в связи с его претенциозностью, в связи с его желанием быть на первых ролях, лицо (я свято сохраняю всю неповторимость крыленковского стиля! — Г.В.), о котором я мог бы сказать, что не знаю, где та грань, на которой он мог бы остановиться в своей дальнейшей контрреволюционной эволюции. Этой грани нет”. И заключение: “Ни одной минуты я не колеблюсь утверждать, что наша революция, мировая революция, а уже тем паче мировая история ничего не потеряют от того, что с лица земного шара исчезнет один из тех персонажей, представителем которых является гр-н Суханов” [Процесс... 1931, с. 357]. Смысл этого ерничества человека, упоенного безграничной и бесконтрольной властью над жизнями людей, понятен: “Расстрелять!”. Суд, правда (возможно, под давлением “мирового общественного мнения”, с которым при начале политических процессов еще немного, по-видимому, считались, и, может быть, по причине уж очень бросающейся в глаза абсурдности обвинений), проявил некоторую гуманность: тем, кому прокурор Крыленко требовал расстрела, назначил десять лет заключения (максимальный по тем временам срок).

Остается к этому сделать пару добавлений. Первое. Через несколько лет, в 1938 г., товарищ Крыленко сам был арестован и расстрелян — сталинцы любили прятать концы в воду, разделяваясь с выполнившими грязную работу холоуями. И вlepили ему все те замечательные характеристики, которые так блистательно он когда-то сам создавал: “вредитель”, “террорист”, “враг социалистического строительства”. И организацию “фашистско-террористическую” ему тоже придумали, а включил в нее товарищ Крыленко (наверное, при хорошей “помощи” следователей) 30 человек, судьба которых, по-видимому, столь же нерадостна.

И второе. Суханова решили все же добить, “стереть с лица земного шара” (как выразился когда-то прокурор Крыленко). Ну, как же можно оставлять его “на лице земного шара” в эпоху, когда из всех радиоточек, со страниц всех газет и журналов несется клич: “показывать во весь рост... исполинскую фигуру Сталина” (“Пролетарская революция”, 1934, № 4), а в сухановских “Записках о революции” (самого подробного, самого дотошного изложения событий февральско-октябрьского революционного процесса) Сталин, которого тшятся представить основным, наряду с Лениным, творцом Октября, “во время своей скромной деятельности в Исполнительном комитете производил — не на одного меня — впечатление серого пятна, маячившего тускло и бесследно” [Суханов 1991, т. 1, с. 280].

В марте 1935 г., после ряда заявлений Суханова с требованием пересмотреть приговор, Президиум ЦИК СССР заменил оставшийся ему срок заключения ссылкой в Тобольск, где он работал экономистом, а затем учителем немецкого языка. 19 сентября 1937 г. снова арестован по ложному обвинению в связях с немецкой разведкой, в чем “признался” в ноябре 1938 г. под пытками и под угрозой “поставить в аналогичное положение” его жену — Г. Суханову-Флаксерман. 29 июня 1940 г. приговорен к расстрелу трибуналом Сибирского военного округа. Расстрелян в тот же день в тюрьме города Омск. Захоронен во дворе тюрьмы.

Это была попытка “стереть с лица земли” не просто Суханова, но вместе с ним — память о его соратнике и учителе Мартове. Ибо нравственные и демократические принципы Мартова были абсолютно несовместимы с “казарменно-коммунистической” идеологией сталинизма...

А когда к концу XX столетия сталинско-брежневская историография рухнула и как будто бы появилась возможность очистить от лжи и грязи славных деятелей прошлого, Мартову опять не повезло. Для захвативших идеологическое пространство политиков и идеологов насаждавшегося в России олигархического капитализма Мартов тоже был персоной *non grata*: ну, как же, он же за “социальное равенство”, за “социализм”; да, за “гуманный”, “демократический”, “нравственный”, но все же за

“социализм” — слово, действующее на идеологов олигархата, как красная тряпка на известное животное.

И снова Мартов — в глубоком забвении, снова — где-то рядом с “мусорной корзиной”. Правда, не перевелись еще на Руси честные, мужественные, добросовестные авторы, готовые и способные идти против течения. Вышла в 1997 г. книга И. Урилова “Мартов” — одинокий голос правды в антисоциалистическом, все собой заглушающем хоре идеологов олигархата. Это первый у нас фундаментальный рассказ о жизни, судьбе и идеях Мартова. Объективный анализ, без изначально заданной тенденции. Книга — стремление пробиться к истинному Мартову.

И если вступать в дискуссию с Уриловым по каким-то сюжетам, то такая дискуссия не может быть не чем иным, как соразмышлением, как попыткой двигаться по пути дальнейшего углубления и понимания проблем, поставленных деятельностью Мартова и той революционной эпохой, в которой ему довелось действовать. Так, можно было бы упрекнуть автора, что в справедливой критике абсолютизации ленинских идей (которые для историков прежних времен были абсолютной, непрекаемой истиной), справедливо, повторяю, критикуя подобную ситуацию в исторической науке, автор, на мой взгляд, иногда перегибает палку в противоположную сторону. Если для прежних историков в споре Ленин — Мартов всегда и безоговорочно был прав Ленин, и всегда — столь же безоговорочно — неправ был Мартов, то, как мне показалось, для Урилова в этом споре почти всегда более прав Мартов. Наверное, есть смысл тут более сбалансированно расставить акценты. Но как бы там ни было, портрет Мартова, нарисованный Уриловым, по сравнению с другими портретами, ближе всех к оригиналу.

А теперь перейдем к собственно Проблеме, поставленной всей жизнью, судьбой, идеологической и публицистической деятельностью Мартова, — “Политика и мораль в революционном процессе”¹.

Нравственный камертон: без единой фальшивой ноты

Мартов — уникальный случай нравственной чистоты. Нравственный камертон! Как рождается он, и почему, не фальшивя, звучит на протяжении всей жизни Юлия Осиповича? Где его начало, его исток? Вот один случай, о котором поведал Мартов в своих “Записках социал-демократа”. Можно, конечно, сказать, что это пустячок — так, незначительное событие детской жизни. А можно увидеть в нем нечто совершенно уникальное, некий даже нравственный подвиг, обозначающий начало большой нравственной жизни.

Случилось это в 7-й Санкт-Петербургской гимназии, учебном заведении, подобном бурсе Н. Помяловского, где старшие дети поколачивают младших, где шкода считается героизмом, где грубые (а нередко и подвыпившие) учителя подавляют и унижают учеников и где ученики, со своей стороны, встречая робкого учителя, не отказывают себе в удовольствии вдоволь поиздеваться над ним, доводя до слез, до истерики. Проблемы получения знаний для гимназистов там не существует, ни о каком человеческом достоинстве, о чести там речь не идет. Просто не знают, что это такое. В общем: Помяловский, бурса.

¹ Но прежде — краткая биографическая хроника: Родился в 1873 г. В 1891 г. поступает в С.-Петербургский университет, создает революционный кружок. 1892 г. — арест за распространение нелегальной литературы. В 1895 г. — в Петербурге основывает с В. Ульяновым “Союз борьбы за освобождение рабочего класса”. 1896 г. — арест, ссылка в Туруханск, окончившаяся в 1900 г.; “тройственный союз” А. Потресов, В. Ленин, Ю. Мартов, готовят издание органов российской социал-демократии “Искры” и “Зари”. 1901 г. — эмиграция в Германию, активное сотрудничество в “Искре”. 1903 г. — съезд РСДРП, расхождение с Лениным. Появление большевиков (“ленинцев”) и меньшевиков (“мартовцев”). 1905 г. — участник революции, член Петербургского совета рабочих депутатов. В 1907–1917 гг. — эмигрант, лидер меньшевиков. По возвращению в Россию (9 мая 1917 г.) входил в руководящие органы Совета и Верховного Совета Российской Республики. Сложно отнестся к Октябрьской революции. В 1920 г. уехал с разрешения советского правительства в Германию на международную конференцию социал-демократов. Тяжело больной туберкулезом, в Россию не вернулся. Основал “Социалистический вестник”. 4 апреля 1923 г. умер, похоронен в Берлине.

Среди грозных и грубых учителей особенно выделялся один, о котором ученики, имея в виду его лютые расправы, распевали между собой: “Вильгельм Антоныч Канский – зверь американский”. Этот “зверь американский” с особым пренебрежением относился к еврейским ребятишкам и детям из бедных семейств. И случилась очередная его грубость. Мальчику, сыну дворника, не слишком преуспевающему в учебе, Вильгельм Антоныч, ставя единицу, презрительно бросил: “Пишите письмо в деревню...”.

И тут случилось ЭТО. Я увидел, вспоминает Мартов, как совершенно “убитый” возвращается гимназист на свое место. «Во мне что-то закипело, и я неожиданно громко и гневно крикнул: “Дурак!”».

Почему для него это было сродни подвигу? Ну, представьте себе: грозный, грубый, “лютый” учитель, от одного взгляда которого дрожали “бурсаки” 7-й гимназии, и перед ним тщедушный 11-летний еврейский мальчик, побелевшими губами бросающий ему в лицо такое слово! Класс обомлел, а я почувствовал, как душа его стремительно “летит по направлению к пяткам”. И все-таки сказал!.. [Мартов 2004, с. 33–34].

И это не был случайный эмоциональный взрыв, который быстро вспыхивает и быстро проходит. Это было закономерным проявлением системы нравственных принципов, которые уже тогда составляли духовный мир юного гимназиста. Юлий, вспоминает его сестра Лидия, придумал удивительную для мальчика его возраста игру, в которую вовлек своих братьев и сестер: основал некий город “Приличинск”, граждане которого должны были жить по законам правды, чести, заботы о ближнем... Идеальный мир нравственной чистоты и моральной стойкости! “Уставу” этого необыкновенного города Мартов был верен всю свою жизнь.

Лидия Осиповна вспоминала, как в 1917 г. при разногласиях Мартова и Дана в связи с высылкой из России швейцарского социалиста Гримма, Мартов “в ярости против Временного правительства, против Церетели и Дана, стал отказываться от уже принятого решения – поселиться всем вместе и сказал: «Нет, уж лучше мне вернуться в Приличинск. Ты решай, как можешь, а я – в “Приличинск”». “В те далекие наши детские годы, – продолжала сестра Мартова, – было заложено многое из того, что осталось на всю жизнь и многое в жизни всех нас определило” (цит. по [Урилов, 1997, с. 18]).

“Было заложено”. Кем? Чем?

К.-А. Гельвеций однажды сказал: *“L’homme est tout éducation”* (человек – это прежде всего воспитание). Не “природой” закладываются, не “природой” формируются духовно-нравственные устремления, которым следует человек. Воспитанием! Воздействием окружающей его среды.

В случае с Юлием, думаю, не обошлось без влияния на него деда – Александра Осиповича Цедербаума, просветителя, общественного деятеля, основателя первых в России еврейских газет и журналов, и отца – Иосифа Александровича, работавшего корреспондентом “Петербургских новостей” и “Нового времени”. Книжки, которые читались в этой семье (А. Герцен, Л. Толстой, Н. Чернышевский, Д. Писарев, В. Гюго, Ф. Шиллер), разговоры, которые за вечерним чаем вели взрослые и к которым внимательно прислушивался Юлий, – о политических процессах, о борцах за свободу, против деспотизма, постепенно формировали духовно-нравственный мир мальчика, исподволь подготавливали “законы”, по которым жили обитатели Приличинска.

“Законы” этого идеального города проявлялись потом в каждом – большом и малом – поступке Мартова, в каждом его слове, в каждом жесте. Обогащенные жизненным опытом они становились его **мировоззрением**.

Похороны революционного мыслителя Н. Шелгунова. Демонстрация – рабочие, студенты, венки со свободолюбивыми лозунгами. И мальчики-гимназисты с Юлием во главе. По сторонам – полиция, фиксирующая участников шествия. Взрослые советует ребятам “раствориться”, “не светиться” – ведь могут быть серьезные неприятности в гимназии. Часть ребят уходит. Юлий остается! “Я почувствовал желание занять место в кучке рабочих... Пожилой (рабочий) сжимал в руках здоровую дубину, в которой я с почтением прозревал могучее оружие на случай столкновения с полицией

и казаками. Робко предложил я рабочему с дубиной помочь им нести венки. Рабочие согласились, и я с восторгом держался за венки...” [Мартов 1990, с. 62]. Приличинск!

Университет. Естественное отделение физико-математического факультета. Ну, не может Юлий с головой уйти в научные формулы, когда вокруг столько бед, страданий, несправедливостей. Законы Приличинска требуют противостоять этому. Революционный кружок, первые листовки и первый арест. На следствии — безукоризнен: никаких сведений ни о ком из участников. А по выходе на свободу — беспощаден (морально!) к тем, кто “сломались” на следствии. Они становятся для него нерукопожатными. Сразу и навсегда! Врата Приличинска для них закрыты наглухо!

1895 год. С Ульяновым — создан революционно-просветительский “Союз борьбы за освобождение рабочего класса”. Новый арест. Ссылка в Туруханск. Место губительное вообще, а для Юлия с его слабыми легкими — в особенности. Обратись к властям, попроси более благоприятное место, сошлись на свое здоровье... Нет! Категорически — нет! Законы Приличинска не позволяют прогибаться перед властью имущими!

Или этот эпизод. Тоже как бы не слишком значительный. Но это только на первый взгляд. II съезд РСДРП. Ленин предлагает новую редакцию “Искры” — три человека: Г. Плеханов, Ю. Мартов, В. Ленин. Из предыдущей, “прославленной редакции” устраниваются В. Засулич, П. Аксельрод, А. Потресов. Мартов горячится: нельзя так бесцеремонно отставлять заслуженных товарищей. Я думаю, с точки зрения “интересов дела” Ленин был безусловно прав. Он убедительно объяснял впоследствии: «Жизнь распорядилась не по личным привязанностям и интригам, а по работе. Практически только двое из всей славной шестерки были выпускающими редакторами и готовили номера “Искры” — Мартов и Ленин. Все остальные требовали согласования, но не давали статей и не вели практической работы. При всем моем уважении к этим товарищам как к личностям и к их прошлым заслугам в настоящее время это был “балласт”».

Но есть, черт возьми, своя доля правоты и у Мартова. “Дело” делом, но ведь важно не просто “дело”, но человек в “деле”. Ведь все “дела” делаются людьми и для людей. Вполне возможно было решить эту проблему более деликатным, более лояльным образом, без наклеивания этих ярлыков — “балласт” и т.п. Было вполне возможно соединить “деловой” подход Ленина и нравственный — Мартова. Но все свершилось по-иному.

Но, пожалуй, никогда Нравственный камертон Мартова не звучал с такой чистотой и с такой силой, как в июльские дни 1917 г. “Июльские дни” — один из самых драматических моментов февральско-октябрьского революционного процесса. 3–4 июля вышли на демонстрацию доведенные нуждой и бесправием до отчаяния сотни тысяч рабочих и солдат. Со знаменами: “Долой министров-капиталистов!”, “Долой Временное правительство!”, “Вся власть — Советам!”. И звучали требования: “Мы требуем, чтобы немедленно была взята земля, чтобы немедленно был учрежден контроль над промышленностью, мы требуем борьбы с грозящим голодом” [Троцкий 1997, с. 48].

Часть демонстрантов, зная жесткие нравы правительства, прихватили с собой — для возможного отпора — винтовки и пулеметы. Были, правда, среди них и горячие головы, требовавшие вооруженного свержения власти. Большевики стремились удержать движение в мирном русле. “Мы понимаем горечь, мы понимаем возбуждение питерских рабочих, — писал Ленин в “Правде”, — что выступление сейчас было бы целесообразным”. Но возмущенная народная стихия перекатывалась не только через головы возглавлявших Советы меньшевиков и эсеров, но и через головы большевиков. Сдерживающие речи большевистских агитаторов народ нередко встречал негодованием: “Долой, опять желают затянуть дело. Дальше так жить невозможно. Вся власть Советам!”. Показательна сценка, описанная П. Милюковым: “Рослый рабочий подносит кулак к лицу лидера эсеров Чернова и иступленно кричит: “Принимай, сукин сын, власть, коли дают””.

И в такой накаленной обстановке большевик Л. Каменев — с трибуны Таврического дворца: “Мы не призывали к выступлению, но народные массы сами вышли на улицу... А раз массы вышли — наше место среди них... Наша задача теперь в том, чтобы

придать движению организованный характер”. И солидарный с большевиками Троцкий: “... превратить июльское движение в восстание значило бы почти наверняка похоронить революцию” [Троцкий 1997, с. 18, 45, 32, 82].

Кажется, позиция большевиков абсолютно ясна: они за мирное шествие. Но большевики для всех партий — от октябристов и кадетов до меньшевиков и эсеров — как кость в горле. А тут вроде подворачивается хороший повод: обвинить во всем большевиков и разделаться с ними, стерев их с политического лица России. И после подавления июльского выступления масс начинается дикая травля, жесточайшее преследование большевиков. А. Керенский заявляет: “Всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти... арестовать и привлечь к судебной ответственности как виновных в измене родине и предательстве революции” [Рабинович 1989, с. 54].

Таврический дворец 13 июля. Керенский и Чхеидзе в унисон: покончить с большевизмом. Обнимаются. “Зал сотрясаясь от рукоплесканий”. И следом лидер меньшевиков Дан переводит пыльные объятия своих соратников на язык уголовной прозы — предлагает “в резких тонах резолюцию, обвиняющую большевиков в преступлениях против народа и революции” [Троцкий 1997, с. 61, 62]. Травля большевиков набирает обороты. Ленин — Троцкому: “Теперь они нас перестреляют. Самый для них подходящий момент” (цит. по [Урилов 1997, с. 260]). Подвластные правительству, кадетам, меньшевикам и эсерам газеты — в один голос кричат: “предатели”, “изменники”, “немецкие шпионы”, “германские агенты, субсидируемые Берлином”. Под аккомпанемент этой идеологической кампании ведутся силовые действия: 5 июля — разгром редакции и типографии “Правды”, вооруженные отряды выбивают большевиков из их штаба в особняке М. Кшесинской, 6 июля — штурмом берут Петропавловку, где укрылись большевики. Кабинет министров издает приказ об аресте Ленина, Зиновьева, Каменева. Арестованы Троцкий, Луначарский...

Ситуация противобольшевистской истерии настолько накалена, что ни одна политическая сила, ни один политический деятель из небольшевистского лагеря не решается сказать хоть слово, осуждающее истерию лжи и угроз. Впрочем, нет. Один человек все же нашелся. Один — против течения. Один — против всех! Это был Мартов!

Поразительно тут вот что. Мартов ведь был принципиальным политическим оппонентом Ленина (и его партии). По-разному они видели цели и перспективы революционного процесса, по-разному оценивали допустимые методы революционных преобразований. Часто весьма остро и резко полемизировали друг с другом. И казалось, вот наступил момент, когда твой оппонент терпит жестокое фиаско. Может, порадоваться этому? А может, принять участие в его добивании? Или даже просто помолчать, внутренне радуясь, как его добивают другие?

А если вступить? Страшно, ведь. Тут не гимназические “звери американские”, тут “звери”, обладающие тюрьмами, газетами, полицейскими дубинками и армейскими штыками. И настроенные весьма агрессивно.

Но... Приличинск! Но его “уставы” и “законы”...

И Мартов бесстрашно бросается на защиту большевиков. Нет, он не защищает их программы, их стратегические установки, их тактические решения. Он по-прежнему их противник. Он бросается защищать их от гнусных клевет, от несправедливых обвинений, от преследований, далеко выходящих за пределы правовых и нравственных норм.

Заседание ВЦИК 13 июля. Дан (один из лидеров меньшевистской партии, членом которой, между прочим, являлся и Мартов) требует суда над большевиками, обвиняя их в организации мятежа 3–4 июля, в получении немецких денег. Слово берет Мартов и заявляет, что “преследование большевиков вызвано давлением контрреволюционной улицы и прессы” (цит. по [Урилов 1997, с. 257]). Иначе говоря, он не большевиков считает “контрреволюционерами” (как хотят представить Дан с Керенским). Он “контрреволюционерами” считает тех, кто их преследуют (прозрачный намек на политиков, подобных Дану и Керенскому). “Для Мартова, — комментирует эту ситуацию

Урилов, — главными контрреволюционерами были не большевики, а... сторонники войны и диктатуры” [Урилов 1997, с. 257].

Еще более остро схлестнулись Дан и Мартов на Петроградской конференции меньшевиков 15–16 июля. Мартов, определяя, кто несет главную ответственность за столкновения 3–5 июля, возражал Дану: кризис вызван не большевиками, не июльской демонстрацией, а тем, что “политика мира и коренной демократизации страны, отстаиваемая революционной демократией, столкнулась с интересами различных слоев имущих классов и союзнического империализма”. “Отсутствие радикальных экономических и финансовых реформ, — пишет Урилов, — компромисс социалистов с антидемократическими силами (коалиционное правительство) и привели, по мнению Мартова, к стихийному бунту 3–5 июля” [Урилов 1997, с. 257–258].

На Пленуме ВЦИК 17 июля, точно констатирует Урилов, “Мартов был бескомпромиссен в защите демократических принципов, всякое их нарушение для него равносильно контрреволюции... он протестовал против незаконного (без суда) закрытия большевистских газет и предлагал революционной демократии взять власть, если она не хочет потерять свой “голос в решении дальнейшей судьбы” революции” [Урилов 1997, с. 258]. Вот так! Это же, по сути, лозунг той стихийной рабочей и солдатской массы, вышедшей на демонстрацию 3–5 июля!

Суханов так описывает позицию Мартова: “Мартов предостерегал против сколько-нибудь решительных публичных нападений на большевиков: отгораживание от них должно проводиться в самых мягких и спокойных формах. Слепое озлобление против них, как симптом массовой реакции, и без того резко определилось... Напротив, со всей силой необходимо обрушиться на все то, что служит реакции. Необходимо разоблачать козни штаба; и надо избегать малейших проявлений солидарности с победившим советским большинством” [Суханов 1991, с. 344] (то есть со всеми этими Данами, Церетелими, Чхеидземи...).

И не просто “избегать солидарности”, но открыто противостоять этому “большинству”. Особенно ярко позицию Мартова высвечивает его схватка с Церетели на одном из заседаний ЦИК, описанная Сухановым: “Мартов потребовал слова для внеочередного заявления. Он произнес небольшую речь и огласил наш протест по поводу арестов”. О, как взвился обычно выдержанный и спокойный Церетели (занявший место министра внутренних дел): “Зачем существуют на свете эти (выступавшие с протестами) большевики второго сорта, когда имеется первый сорт? Он, Церетели, предпочитает иметь дело с Лениным, но не с Мартовым. С первым он знает, как надо обращаться, а второй связывает ему руки... Что касается репрессий и арестов, то они вызваны государственной необходимостью и интересами революции. Безответственным группам (то есть мартовцам. — Г.В.) надлежит помалкивать” [Суханов 1992, т. 2, с. 364–365].

Мартов не был “большевиком второго сорта”, он вообще не был большевиком. Он был Нравственным камертоном и — самого высочайшего сорта.

Замечу, что в обстановке обострения политической ситуации нравственные императивы Мартова все отчетливее принимали форму “демократии, доводимой до конца”. Нравственные императивы в политике перерастали в систему демократических требований. С нравственно-демократических позиций он оценивал все последующие события 1917 г.

Он был абсолютным противником идеи “твердой (диктаторской) власти” вообще и генерала Л. Корнилова, в особенности. Он страстно возражал (28 августа на заседании ВЦИК) против передачи власти “Директории” Керенского. Он требовал: “Вся власть — демократии!”. И в этих целях ратовал за создание однородного социалистического правительства, без всякой примеси “цензовых” (то есть буржуазных) элементов. Страстно выступал против малейшего нарушения демократических (и значит нравственных) принципов. Когда Церетели (на объединенном съезде РСДРП(о) 19 августа) предложил не допускать в ЦК представителей одной из

фракций, Мартов тотчас назвал это “тактикой русских держиморд”. И это – о руководстве партии, которую когда-то сам создавал и которая претендовала на роль главного лидера российской демократии! Как это похоже на ту знаменитую реплику “Дурак!”, которую бросил когда-то юный гимназист в лицо хаму-наставнику...

Нравственно-демократические принципы, исповедуемые Мартовым, предопределили и его своеобразное отношение к Октябрю, отличавшее его от политиков всех других не-большевистских и антибольшевистских партий.

К примеру, Дан (на заседании Предпарламента, накануне Октября) говорит: “В массе своей рабочий класс не пойдет на ту авантюру, на которую его толкают большевики... Необходимо вырвать почву из-под ног большевизма”. А один из видных меньшевиков, министр труда К. Гвоздев утверждал, что за большевиками идет чернь, что сам он настоящий рабочий и рабочего знает и что Временное правительство, вопреки басням большевиков, пользуется доверием. А следом за ними – Мартов (“Министр будущего большевистского кабинета!” – звучит ехидная реплика из зала): “Слова министра Гвоздева, позволившего себе говорить о черни, когда речь идет о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленном к ошибочным целям, слова эти являются вызовом гражданской войны; но мы в рядах с корниловцами не будем ни при каких условиях [Суханов 1992, т. 3, с. 313].

А позднее, после взятия большевиками власти, он скажет, что пролетариат имеет право на восстание. Но будет возражать против чересчур насильственных методов, диктаторских форм его осуществления. И следуя своим нравственно-демократическим императивам, попытается изменить, трансформировать эти методы и формы. На II съезде Советов, решавшем вопрос об отношении к Октябрьскому перевороту, Мартов берет слово: “Прежде всего надо обеспечить мирное решение кризиса. На улицах Петербурга льется кровь. Необходимо приостановить военные действия с обеих сторон. Мирное решение кризиса может быть достигнуто созданием власти, которая была бы признана всей демократией”. Имелось в виду создание “общедемократического правительства” на основе “переговоров со всеми социалистическими партиями”. И поразительно: “к предложению Мартова присоединяются новожизненцы, фронтовая группа, а главное – левые эсеры. От имени большевиков отвечает Луначарский: большевики ровно ничего не имеют против, пусть вопрос о мирном разрешении кризиса будет поставлен в первую очередь. Предложение Мартова голосуется. Против – никого” [Суханов 1992, т. 3, с. 335]. Единогласно! Это был звездный час Мартова. Казалось, удастся повернуть события в демократическое русло, в мартовское русло ...

И не получилось. Мы потом проанализируем – почему. А пока на этом завершим рассказ о нравственно-демократической идеологии Мартова. И перейдем к другой стороне его деятельности – собственно политической. И тут мы вынуждены будем констатировать, что в *политике* у Мартова провал следовал за провалом. Попробуем разобраться, в чем тут дело.

Политика: провал за провалом

Прежде всего о провале конца февраля 1917 г. В Швейцарии из газет оба они – Мартов и Ленин – узнают: в России революция. Возвращаться! Немедленно! Заканчивается эмиграция – с ее жаркими теоретическими дискуссиями, полемикой в партийных газетах и журналах. Начинается время *действия*, которое они, лидеры партий (меньшевиков и большевиков), готовили и к которому стремились всю свою жизнь. Начинается главное дело их жизни!

Ленин пишет “Письма из далека” – советы своим однопартийцам. Но это – из “далека”, а важно быть в самой гуще событий, чтобы ясно чувствовать их пульс, следить за калейдоскопически меняющимися ситуациями, за расстановкой социальных и политических сил, дабы точно и своевременно реагировать. Тем более что, по некоторым сведениям, его соратники в Питере наметили не слишком

правильную стратегию. Надо успеть исправить! В общем – в Россию, и, как можно, скорее. Лучше бы, конечно, через Францию и Англию (союзные с Россией страны). Но английские власти не пропускают российских политиков, стоящих на антивоенных позициях.

А как еще? На аэроплане, как предлагает М. Натансон? Да где взять этот “аэроплан” и по небу каких стран на нем лететь? А может, ехать по паспорту какого-нибудь гражданина из нейтральной страны? Ну, скажем, шведа. И притвориться глухонемым (поскольку шведского языка не знаю). Нет, чушь какая-то: “аэроплан”, “глухонемой швед”...

И тут – идея Мартова – через Германию! Но поскольку это воюющая с Россией страна, то Мартов предлагает обратиться к Временному правительству: пусть вернет Германии группу военнопленных в обмен на проезд россиян по ее территории. Но на запрос ответа нет и нет. Потом (через некоторое время) пришел от Милюкова ответ: никакого “обмена” не будет, езжайте через Англию. Выглядит издевательством, ибо позиция английских властей известна.

Ленин решает: ехать, через Германию! Другого пути нет. Понимал, конечно, что проезд через страну, воюющую с Россией, даст богатую пищу его политическим врагам. Предпринял кое-какие шаги – дабы уменьшить возможность и масштабы инсинуаций: ехать в “пломбированном вагоне”, который будет обладать статусом “экстерриториальности”, куда никому из немецких граждан заходить не позволено. А при необходимости общения с россиянами – только через сопровождающего их жителя нейтральной страны – Ф. Платтена.

И все же нехороших последствий от такого решения немало. И ущерб большевистскому имиджу будет нанесен значительный. И все же... И все же все перевешивает цель – как можно скорее войти в реку революционных событий. Едем!

И 3 апреля – в Питере! И сразу новая стратегия для партии – Апрельские тезисы: никакой поддержки Временному правительству, власть – Советам! И в тот же день доклад на собрании большевиков. Маховик революционной большевистской деятельности начинает набирать обороты.

А что же Мартов, лидер соперничающей с большевиками партии? Он хотел бы избежать неудобств, связанных с несанкционированным проездом через Германию. Мечется на швейцарской земле, посылает телеграмму за телеграммой и ждет спасительного “разрешительного” ответа. Ленин уже завершает последние приготовления перед отъездом, а Мартов все еще ожидает официального разрешения. И жалуется своей подруге Н. Кристи, что вот-де “милюковская банда”, “дав полную свободу внутри, снаружи установила кордон хуже прежнего”.

Ленин с товарищами уже в российской столице. Выступает с Апрельскими тезисами, намечая генеральную стратегию большевиков в революции. Уже выступил на одном, другом, третьем собрании. Речи – на массовых митингах. А Мартов все томится в Швейцарии и плачется Кристи, что “ответов на наши стоны и мольбы” из России нет.

Вот два вида политика: один уже полностью вошел в революционное русло, другой – тратит время на “стоны и мольбы”, обращенные к “милюковской банде”! А когда, наконец, становится совершенно ясно, что официального разрешения на “обмен” и “проезд” из России так-таки и не будет, Мартов решает двигаться ленинским маршрутом – потеряв более месяца. И прибывает в Петроград 9 мая (через месяц с лишним после Ленина!). И это была не просто потеря времени. Это была потеря возможности серьезно влиять на социальные и политические процессы (к чему – субъективно – стремился Мартов).

Ленин приехал, когда его – большевистская – партия только-только начинала нащупывать стратегию своих действий, когда еще и Совет, и правительство делали первые осторожные шаги, когда рабочие и солдатские массы еще приглядывались к партиям и их программам. Ленин приехал вовремя!

Мартов же прибыл, когда — до него и без него — меньшевистская партия в непростых дискуссиях определила направление своего курса. Для проведения этого курса она выбрала своих лидеров (Чхеидзе, Дан, Церетели), определила свое отношение к Совету и Временному правительству, иначе говоря, она уже двинулась по политическим рельсам, проложенным ее новыми руководителями.

И вот “опоздавший” Мартов пытается “догнать” события, наверстать упущенное. Узнает в день приезда, что Всероссийская конференция его партии приняла решение войти в правительство, отрядив туда Церетели и Скобелева. Мартов категорически против. Вступить в буржуазное правительство, в коалицию с кадетами, да еще в заведомом меньшинстве — “это хуже преступления, это глупость”: нести ответственность за политику, на которую, будучи в меньшинстве, невозможно будет серьезно влиять. Такая коалиция губительна для партии, называющей себя “социалистической”. Но — поздно! У меньшевиков уже новые вожди, у этих вождей другой взгляд на события, да и Конференция уже определилась. Горячая речь Мартова растворяется в воздухе.

И снова сетования в письме к Кристи: “Масса провинциальных делегатов, приехавшая с иллюзией “объединения” и с уверенностью, что спасти от гражданской войны можно лишь участием в правительстве, настроилась (к позиции Мартова.— Г.В.) прямо враждебно”.

Прав историк В. Минер, написавший: “Если бы Ю. О. Мартов с соратниками вернулись в Россию раньше, скажем, в начале апреля, вместе с Лениным, курс меньшевиков в последующие месяцы был бы иным” [Меньшевики в 1917 году 1994, т. 1, с. 62]. Seriously влиять на политику созданной и возглавляемой им когда-то партии “опоздавшему” Мартову не удастся на протяжении всего февральско-октябрьского революционного процесса. Он постоянно — на всех форумах партии — заявляет о своей особой позиции, и столь же постоянно эта позиция отвергается подавляющим партийным большинством.

Вот еще ряд звеньев из цепочки поражений Мартова 1917 г. Первый Всероссийский съезд Советов (3—24 июня). Мартов критикует Временное правительство за то, что оно не решает ни одну из задач, стоящих перед страной; и снова выступает против участия партии в этом правительстве. В ответ — разящая критика министров-соглашателей М. Церетели и И. Скобелева. Столь революционно-резкая, что идущий рядом с большевиками Троцкий воскликнул: “Да здравствует революционный социал-демократ Мартов!”. Но Мартов-то хотел поддержки не Троцкого, а своей партии. Но партия шла за Церетели и Скобелевым.

Объединенное заседание ВЦИК (4 июля). Мартов предлагает альтернативу коалиционному (с буржуазией) правительству — “демократическое правительство под руководством Совета”. Намечает основные пункты его программы: перемирие на фронте, демократизация армии, аграрная реформа... И — с треском проваливается: его поддержали лишь 40 человек из более чем 300.

Петроградская конференция меньшевиков (15—16 июля). Снова резкая критика коалиционного правительства за отсутствие радикальных экономических и финансовых реформ. И снова — глас вопиющего в пустыне...

Бюро ВЦИК (4 августа). Против участия в Московском государственном совещании (это будет “сплошная стена контрреволюции военной и буржуазной”). Соратники не только отвергают такие характеристики Мартова, но запрещают “оппозиции” (то есть Мартову) даже выступать на этом государственном совещании. Вот уж провал, так провал!

Заседание ВЦИК (28 августа). Мартов против передачи власти директории (читай — диктатуре) Керенского. И снова — никакой поддержки. 2 сентября Керенский, поддержанный большинством “сопартийцев” Мартова, объявляет о создании Директории...

И подобных фактов множество. Можно приводить еще и еще. Главное — практически ни по одному серьезному политическому вопросу Мартов не получал поддержки

своей партии. В его письмах к Кристи все чаще и все печальнее звучит тема “одиночества”. Но “одиноким” пристало быть философу, монашествующему проповеднику, а не политику. Если ты – “одинокий”, значит ты – не Политик!

Уроки Мартова: что делать и чего не делать?

Я так расписал “провалы” Мартова, что невольно возникает вопрос: насколько же оправданы те высокие оценки, которые были даны ему в начале статьи? Нет ли тут противоречия? Нет, противоречия нет. То были оценки не его *политической* деятельности, а его нравственно-гуманистического мировоззрения, его блистательной публицистики.

Он был не *вождем* революционных масс, не партийным руководителем, не *политическим* организатором. Вообще он не был *политиком* (хотя и стремился им быть). Он был Просветителем, Проповедником. Просветителем человеческих голов, Проповедником гуманизма.

Да, получилось так, что Мартов не смог стать политическим вождем. И все же его нравственно-гуманистическая деятельность не прошла бесследно для политики и политиков. Под влиянием завораживающей красоты мартовской нравственной проповеди политики, соприкоснувшиеся с ней, становились (и будут становиться в будущем) чуть-чуть человечнее, чуть-чуть гуманнее, чуть-чуть демократичнее. И потому с такой симпатией относились к Мартову политики самых различных течений – от кадетов до большевиков.

Да, политическое Дело не далось Мартову. Но политическое, а не нравственное. Слово ему подчинялось вполне и звучало отчетливо, авторитетно и громко. Он был мастером политического *анализа* – тонкого, глубокого, блистательно выраженного. Не случайно его называли “Добролюбовым демократической публицистики”.

Политические оценки, политические формулы Мартова, как правило, били точно в цель. Вспомним его глубокие, содержательные резолюции. А его итоговая (смелая и точная) оценка причин фиаско родственных ему политических партий (меньшевиков и эсеров) в февральско-октябрьском революционном процессе. А его программа демократических реформ (см. документ “Что делать?”) – яркая картина политическое будущее России, к которому нужно стремиться...

Почти все его так называемые “провалы” – это “провалы” в *практическо-политической* сфере, но не в сфере *теоретико-политической* (за рядом исключений, о которых речь впереди). Вся его критика – постоянная, последовательная – руководства меньшевистской партии (то есть его, Мартова, партии) с самого момента его возвращения в Россию и до Октября была точной, глубокой и конструктивной. Только... Только у него не получалось перевести свои идеи с языка теории на язык практических, политических действий.

Но то, что говорил Мартов о роли нравственности и демократии в социальном (и тем более – революционном) процессе войдет в золотой фонд социальной теории. Это все Уроки из разряда “Что делать?”. Это все важные *позитивные* уроки Мартова.

Но есть в его деятельности и, так сказать, *негативные* уроки – уроки из разряда “Чего не делать?”. И эти, “негативные”, уроки не менее важны для современной политической теории и современной политической практики, чем уроки “позитивные”. Тут мы остановимся на трех главных мартовских уроках. Но об этом – во второй части статьи.

(Окончание следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мартов Ю. О. (2004) Записки социал-демократа. М.: РОССПЭН.
Мартов Ю. О. (1990) Письма 1916–1922. Ред. сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson: Chalidze Publications.
Меньшевики в 1917 году (1994–1997) В 3 т. Т. 1–3. М.: РОССПЭН.

Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1931). М.: Советское законодательство.

Рабинович А. Е. (1989) Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс.

Суханов Н. Н. (1991–1992) Записки о революции. Тт. 1–3. М.: Республика.

Троцкий Л. Д. (1997) История русской революции. Т. 2. Ч. 1. М.: Терра.

Урилов И. Х. (1997) Ю. О. Мартов: политик и историк. М.: Наука.

Yuli Martov. Politics and morality in a Revolution

G. VODOLAZOV*

***Vodolazov Grigorii** – doctor of philosophical science, professor of the department of political theory of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), vice-president of the Academy of political science. Address: 76 Prospect Vernadskogo, 119454, Moscow. E-mail: vodolazov@yandex.ru

Abstract

Dramatic revolutionary processes that took place in Russia in February– October 1917 posed a lot of questions to the social theory. And among them the one that is particularly acute in the situation of the revolutionary social transformation – the relationship between politics and morality. How compatible are these notions? The problem is viewed through the prism of public activity of one of the outstanding figures of that period, who was also characterized as a person of high moral principles – Yuli Osipovich Martov.

Keywords: Politics, morality, moral, revolution, reforms, dictatorship, democracy, Bolsheviki, Mensheviki, the Socialist-Revolutionaries, Cadets.

REFERENCES

Martov Ju.O. (1990) *Pisma 1916–1922* [Letters 1916–1922]. Benson: Chalidze Publications.

Martov Ju.O. (2004) *Zapiski sotsial-demokrata* [Notes of Social Democrat]. Moscow: ROSSPEN.

Mensheviki v 1917 godu. V 3 tomakh (1994–1997) [The Mensheviks in 1917 in 3 volumes]. Moscow: ROSSPEN.

Mensheviki v 1919–1920 gg. (2000) [The Mensheviks in 1919–1920]. Moscow: ROSSPEN.

Protsess kontrrevolyutsionnoy organizatsii men'shevikov (1931) [Process of the counterrevolution organization of the Mensheviks]. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo.

Rabinovich A. E. (1989) *Bolsheviki prichodjat k vlasti. Revolyucija 1917 goda v Petrograde* [The Bolsheviks take power. The revolution of 1917 in Petrograd]. Moscow: Progress.

Sukhanov N. N. (1991, 1992) *Zapiski o revolyutsii Tt. 1–3* [Notes on the revolution, vol. 1–3]. Moscow: Respublica.

Trotskiy L. D. (1997) *Istoria russkoi revolyutsii. T. 2. Tch 1* [The history of Russian revolution, vol. 2, part 1]. Moscow: Terra.

Urilov I. Kh. (1997) *Yu. O. Martov: politik i istorik* [Yu. O. Martov: a politician and historian]. Moscow: Nauka.